КІЕВСКАЯ ПЕРВАЯ ГИМНАЗІЯ

ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ.

Мы жили въ деревнѣ. Осенью въ началѣ сороковыхъ годовъ мои старшіе два брата отправлялись въ Кіевъ, въ гимназію; меня, какъ младшаго, пожалѣли и оставили дома, до новаго года. Мнѣ было завидно смотрѣть на братьевъ, которые уѣзжали, и тоскливо было оставаться дома безъ товарищей, да еще осенью и зимой, когда приходилось сидѣть дома,—гулять не пускали. Наконецъ, настала зима, и къ новому году отецъ мой собрался ѣхать въ Кіевъ; меня стали снаряжать въ дорогу; сшили мнѣ шубу изъ заячьяго мѣха,—мѣхъ былъ зашитъ коленкоромъ, такъ какъ заяцъ линяетъ. Собрались въ дорогу, закутали меня; мачиха положила мнѣ краюшку хлѣба за пазуху; по обычаю посидѣли, поплакали, простились, посадили меня въ кибитку, отецъ тоже сѣлъ, и поѣхали. Ѣхали мы не долго,—дня три—не больше.—Дорога была хорошая; ѣхали скоро, должно быть, на почтовыхъ. Пріѣхали въ Кіевъ. Кіевъ былъ не тотъ, какъ теперь—онъ былъ главнымъ образомъ на Печерскѣ,—Московская и Никольская улицы были главныя улицы; въ Липкахъ, какъ и теперь, затѣмъ на Подолѣ и на старомъ Кіевѣ, который кончался у Золотыхъ воротъ, гдѣ былъ валъ, защищающій городъ. Остальное—были пустыри и провалья, носившіе разныя названія. На одномъ изъ пустырей строился университетъ, и мѣсто это называлось „Новое строеніе“. Остановились мы въ извѣстной тогда зеленой гостинницѣ, изъ оконъ которой былъ виденъ плацъ для военныхъ упражненій. Отецъ бралъ братьевъ въ отпускъ; ходили мы всѣ трое по улицамъ, заходили каждый день въ кондитерскую Беккерса, на Московской улицѣ. Разумѣется, время свободы

и гулянья пролетѣло быстро. Отецъ свелъ меня въ 1-ю гимназію, въ Липкахъ, гдѣ теперь духовное училище. Директоръ, А. Г. Петровъ задалъ мнѣ задачу раздѣлить простое число на 9—я не могъ; Петровъ посовѣтовалъ отцу отдать меня въ частный пансіонъ на эти полгода, гдѣ мнѣ будетъ легче и гдѣ меня приготовятъ. Отецъ согласился и отдалъ меня въ пансіонъ Гедуана, гдѣ я и пробылъ до лѣта. Помню живо то свое ощущеніе, когда я, простившись съ отцемъ, остался одинъ въ первый разъ среди незнакомыхъ мнѣ людей, въ чужомъ домѣ. Мнѣ было жутко, сиротливо, но не страшно, скорѣе любопытно.

Гедуанъ, небольшого роста, французъ, съ рыжими короткими бакенбардами и добрымъ лицомъ, обнялъ ласково меня и повелъ къ себѣ, въ свою семью, къ женѣ и дѣткамъ, двумъ дѣвочкамъ, близнецамъ. Тутъ я остался до вечера, и затѣмъ вошелъ въ число учениковъ, которыхъ было не много, человѣкъ 15, и которые жили вмѣстѣ съ семействомъ Гедуана. Я скоро освоился, подружился и съ товарищами, и съ дѣвочками, въ особенности съ тою, которая хотѣла рисовать, а у меня были краски. Эти дѣвочки были до того похожи между собой, что, прежде, чѣмъ называть, я смотрѣлъ на родимое пятнышко на вискѣ—тогда я зналъ, что говорю съ ней, а не съ другой. Я какъ-то захворалъ. M-me Гедуанъ взяла меня къ себѣ ночевать. Рано утромъ я проснулся: маленькая комната, ихъ спальня, вся залита солнцемъ, дверь растворена прямо въ садикъ и m-r Гедуанъ, въ одномъ жилетѣ, возится въ садикѣ; канарейки поютъ во весь голосъ. Комната, обстановка, дверь въ садъ, Гедуанъ въ бѣломъ жилетѣ съ черными руками въ землѣ, канарейки, m-me Гедуанъ—большая, добрая француженка съ орлинымъ носомъ—все мнѣ показалось необычайно, не такъ, какъ у насъ дома.

Когда я былъ въ Парижѣ, я опять встрѣчалъ эту картину, и всегда она мнѣ напоминала и Кіевъ, и мое дѣтство.

Весна въ Кіевѣ. Тепло, оживленіе кіевской природы, богатой всѣми сторонами,—одинъ Днѣпръ чего стоитъ. Начались наши прогулки. Благодаря одному изъ товарищей, Анненкову, отецъ котораго занимался раскопками древнихъ остатковъ и строилъ Десятинную церковь на мѣстѣ древней, мы ходили на эти работы. Я въ первый разъ узналъ, что была древность. Каждый разъ я узнавалъ что-нибудь новое. Я долго испытывалъ это новое для меня впечатлѣніе остатковъ прежней жизни. Потомъ я понялъ, что успѣхъ Н. П. Костомарова въ Кіевѣ, независимо отъ его дарованій, усилился отъ присутствія остатковъ древней жизни, которые, связанные съ современной обстановкой, невольно

звали искать такихъ же остатковъ древняго человѣка среди живущихъ теперь.—Это самое я не только чувствовалъ, но понималъ въ Римѣ, читая римскую исторію для своихъ художественныхъ цѣлей. Это же чувство вызывало живой образъ Петра въ Петербургѣ.

И вотъ, эта возможная, свѣтлая, умная, просвѣщенная жизнь была смущена, огорчена человѣкомъ жестокимъ, ненавистникомъ дѣтей, нашимъ единственнымъ надзирателемъ. Онъ изобрѣталъ способы улучшить наказанія.

Онъ ставилъ на колѣни съ двумя толстыми книгами въ рукахъ, поднятыми къ верху.

Каждый ученикъ долженъ былъ имѣть изъ бумаги вырѣзанную форму гитары для подкладыванія подъ колѣни, такъ что наказанные вкладывали платки въ панталоны. Онъ билъ квадратной линейкой по головѣ. Онъ рвалъ уши, завитокъ уха отдѣлялся трещиной, которая покрывалась постояннымъ струпомъ. За каждую ошибку онъ давалъ щелчокъ въ ухо. О сѣченіяхъ я уже не говорю. Удивительная вещь! Отецъ мой выносилъ наказаніе, которое называлось *субботники*, т.-е. сѣченіе всѣхъ въ субботу, виноватыхъ за вину, а невинныхъ, чтобы они не портились. Это было въ началѣ столѣтія. Въ мое время никто не возмущался такими наказаніями, и этотъ педагогъ, вѣроятно, до старости оставался имъ вѣренъ, сохраняя подобный взглядъ на наказанія. Въ наше время одивъ изъ извѣстныхъ литераторовъ, навѣрно не злой человѣкъ, соболѣзновалъ, что нельзя—или мало сѣкутъ—а сто лѣтъ тому назадъ Екатерина Великая подписала уставъ Академіи Художествъ съ такимъ параграфомъ: „Тѣлесныя наказанія во всей академіи и въ училищѣ запрещаются и надъ нижними *служителями*, дабы юношество не видѣло ни малаго примѣра суровости, а употреблять къ поправленію оныхъ другія *пристойнѣйшія* средства; когда жъ и то не поможетъ, то отъ академіи отрѣшать, а за тяжкія преступленія отсылать въ опредѣленныя по законамъ мѣста". Уст. Им. А. Х. разд. 10 § 7.

Настало лѣто. За мной пріѣхали, чтобы везти домой въ деревню. Товарищи прощались со мной, и Галле, учитель рисованія, неожиданно для меня вдругъ произнесъ рѣчь, обращенную ко мнѣ. Въ этой рѣчи онъ пророчилъ мнѣ славу художника. Я почувствовалъ любовь и благодарность за это благородное обращеніе къ ученику. Оно не могло не блестѣть въ то время, когда оскорбить, уничтожить, принизить считалъ своимъ долгомъ каждый за малыми исключеніями. Ненавистникъ учениковъ стоялъ тутъ же, рядомъ.

Къ августу мѣсяцу этого же года дорогой нашъ дядя повезъ насъ въ Кіевъ, меня—чтобы опредѣлить въ гимназію. Мы любили нашего дядю, онъ былъ братъ нашего отца, моложе его десятью годами; онъ побаивался отца, какъ и мы, а съ нами былъ, какъ товарищъ.

Ѣхали мы на своихъ. Время было превосходное, тепло, фруктовъ много. Мы ѣхали пять дней. Эти переѣзды были—самое дорогое въ дѣтствѣ: дорога нарушаетъ порядки, — обыкновенное, скучное,—все было ново, необычайно. Останавливались мы рано: заходъ солнца, новое мѣсто, постоялый дворъ, пріятные запахи сѣна, навоза; вести лошадей на водопой верхомъ къ рѣчкѣ, къ колодезю, быть съ истиннымъ другомъ всѣхъ дѣтей—съ кучеромъ; ужинать, гулять и потомъ спать на полу, на сѣнѣ; рано до свѣта вставать, чувствовать эту утреннюю прохладу; къ жарѣ опять останавливаться часто въ лѣсу, или въ полѣ, не въ селѣ—тоже особое новое впечатлѣніе, даже мухи не несносны, а пріятны своимъ жужжаніемъ. Эти жидовскія комнаты съ особеннымъ запахомъ мѣла и ржавыми стеклами, съ заповѣдями на дверяхъ; мы грѣшные часто выдирали ихъ оттуда, какъ бумажки, и разумѣется, не разбирая, что̀ написано по еврейски, бросали. Но какъ ни хорошо, а наконецъ Васильковъ, Глеваха, Пески и Кіевъ—конецъ очарованію. Я это чувство испытываю и теперь, подъѣзжая къ Кіеву, хотя и по желѣзной дорогѣ, и съ другой стороны. Пожили съ дядей на Печерскѣ, на постояломъ дворѣ. Помню, какъ братъ мой выбросилъ цѣлую шапку шелухи отъ орѣховъ за окошко и попалъ на шляпу какого-то господина, проходившаго мимо. Онъ обидѣлся, вбѣжалъ въ комнату, а милый дядя сталъ его уговаривать и доказывать, что это простая неосторожность безъ злого умысла, и тотъ, наконецъ, успокоился. Да, но и это время прошло, и дядя, горюя самъ, наконецъ, отвезъ меня въ 1-й пансіонъ при Первой гимназіи въ Липкахъ, на углу Лютеранской и Левашовской улицъ.

Ученики были на дворѣ. Простясь съ дядей, я пошелъ одиноко и увидалъ стоявшаго между двухъ высокихъ липъ (онѣ и сейчасъ ростутъ) новичка, не въ казенномъ платьѣ, а въ такомъ, какъ и я былъ одѣтъ. Я къ нему подошелъ и узналъ, что и онъ сегодня поступилъ въ 1-й классъ. Мы обрадовались, стали сразу и товарищами, и друзьями; намъ стало легче—одиночество пропало. Фамилія его была Бензинскій. Съ этого дня мы начали нашу жизнь въ пансіонѣ, и черезъ шесть лѣтъ въ одинъ день вышли. Мы были друзьями все время. Онъ любилъ особенно музыку, я—рисованіе. Онъ былъ круглый сирота; у него была

только сестра, которая воспитывалась въ другомъ семействѣ, и онъ ея не зналъ; у него ничего не было; въ продолженіе 6 лѣтъ у него буквально ни разу не было ни одного гроша. Окончивъ гимназію и поступивъ въ университетъ, разумѣется, въ число казеннокоштныхъ, онъ продолжалъ ходить въ гимназическомъ платьѣ. Онъ самъ плохо зналъ исторію своей семьи; въ немъ принималъ участіе одинъ только человѣкъ, ему чужой, органистъ украинскій. Онъ же давалъ ему уроки музыки. Самъ Бензинскій былъ сердечный, скромный и чрезвычайно умный и любознательный юноша. Въ свободное время мы не ходили въ отпускъ; мы съ нимъ читали и перечли все, что̀ можно было: всѣ путешествія. Путешествіе Кука насъ очень интересовало. Прочли Вальтеръ-Скотта, что было Диккенса, своихъ писателей старыхъ, въ особенности Загоскина, войну 12 года Михайловскаго-Данилевскаго. Къ намъ присоединились еще 6 товарищей. Бензинскій и на нихъ имѣлъ большое вліяніе. Среди насъ установился высшій уровень, котораго мы держались все время. Благодаря ему, мы не держались скверная обычая—угнетать меньшихъ. Я испыталъ на себѣ это угнетеніе, и вотъ по какому поводу. Затѣвали домашній театръ. На черномъ дворѣ, на сѣновалѣ приготовлялись декораціи учениками высшихъ классовъ. Мнѣ страстно хотѣлось посмотрѣть и, можетъ быть, поработать, и я рѣшился пробраться туда. Я вылѣзъ изъ окна второго этажа пансіона на крышу крыльца, которое граничило съ чернымъ дворомъ, и соскочивъ туда во дворъ, побѣжалъ къ лѣстницѣ сѣновала и поднялся по ней съ біеніемъ сердца отъ радости и страха. Я уже чувствовалъ дорогой запахъ красокъ, скипидара, я поднялъ доску входа и вошелъ. Въ ту же минуту на меня посыпались пинки съ гикомъ и крикомъ, и меня вытолкали вонъ. Ни просьбы, ни мольбы не помогли; надо мной захлопнули доску; я пріютился на лѣстницѣ,—меня не оставляла надежда. Но тутъ насталъ конецъ,—я долженъ былъ принять это крещеніе,—на меня вылили цѣлое ведро помоевъ, и я въ такомъ видѣ пошелъ домой уже законнымъ путемъ, рискуя попасть на глаза начальству, но, слава Богу, привратникъ милостиво пропустилъ. Добрый, нѣжный учитель обидѣлъ Бензинскаго, не повѣрилъ, что онъ и любитъ и понимаетъ музыку—онъ возвратилъ ему сочиненіе, сказавъ, что это не его. Бензинскій, какъ истинный философъ, спокойно взялъ свой трудъ и подѣлился имъ только съ нами.

Въ началѣ мы еще застали въ пансіонѣ нѣкоторую свободу, предоставленную ученикамъ: такъ, напримѣръ, по праздникамъ тѣ, которые не ходили въ отпускъ, имѣли право проситься въ

городъ на нѣсколько часовъ. Мы съ Бензинскимъ не ходили въ лавки, мы ходили гулять—подальше, иногда просиживали все время на горѣ, любуясь Днѣпромъ, или сходили внизъ къ нему. Зимой мы ходили къ отцу нашего товарища, Краузе, лектору университета, у котораго была богатая коллекція гравюръ, и онъ любовно намъ предлагалъ ее разсматривать, или просто ходили сидѣть на горѣ надъ крещатикомъ, чтобы подышать свободнымъ воздухомъ, а не пансіонскимъ, хоть и холодно было сидѣть на снѣгу.

Среди начальниковъ мы встрѣтили замѣчательнаго человѣка и дорогого для насъ директора гимназіи, Александра Григорьевича Петрова. Онъ былъ человѣкъ средняго роста, съ большой головой, покрытой черными волосами; добрые и умные глаза, большая нижняя губа, какъ у античныхъ головъ, бросались въ глаза. Говорилъ онъ по-русски, прибавляя „съ“ къ концу словъ, говорилъ громко и пріятно, былъ онъ человѣкъ простой и добрый; мы его любили и уважали. Онъ жилъ не съ нами, но никто не зналъ, былъ онъ въ пансіонѣ или нѣтъ,—сигналовъ о прибытіи его не было. Часто онъ сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ, а мы этого не знали. Приходилъ онъ къ намъ не какъ начальникъ, а всегда за дѣломъ: онъ приносилъ или новую книгу, или особенное какое-нибудь извѣстіе, новое въ наукѣ или въ искусствѣ, или что-либо относящееся къ явленіямъ общественнымъ. Часто онъ приходилъ къ кому-нибудь одному изъ учениковъ, желая ему сдѣлать что-нибудь полезное. Подчиненные служащіе не особенно его любили; они его боялись; мы же, напротивъ, радовались его приходу. Онъ не стѣснялся временемъ, часто приходилъ, когда мы были уже въ постеляхъ, и вынималъ газету, чтобы сообщить намъ новость. Тогда одинъ изъ учениковъ, доставалъ сальную свѣчу изъ ночника и свѣтилъ, мы же вскакивали съ постелей и, надѣвъ на себя одѣяла, его окружали, а Александръ Григорьевичъ читалъ. При такой обстановкѣ мы узнали, какъ поднимали на верхъ Исакіевскаго собора громадныя гранитныя колонны. У насъ любили музыку. Много учениковъ изъ поляковъ отлично играли на фортепіано. Часто меня заставалъ Александръ Григорьевичъ слушающимъ хорошую игру. Онъ на цыпочкахъ подходилъ ко мнѣ, подсаживался и слушалъ самъ и никогда не оскорблялъ меня замѣчаніемъ, почему я не занимаюсь уроками. Онъ зналъ, что и это дорого, и это образовываетъ человѣка. Въ гимназіи, входя въ классъ, онъ всегда имѣлъ съ собою что-нибудь, что бы предложить ученику: или но-

жикъ, или карандашъ, или резинку. Во всѣхъ классахъ онъ встрѣчалъ своихъ друзей по любви къ образованію. Онъ дарилъ шахматы, книги, рисунки, диксіонеры, все, что̀ можетъ служить развитію. Я помню, какъ одинъ разъ во время контрактовъ (ярмарка) встрѣтилъ насъ, оставшихся въ пансіонѣ на праздники Рождества, на Подолѣ около контрактоваго дома. Онъ вошелъ въ домъ съ нами, чтобы купить каждому что-нибудь. Меня онъ подвелъ къ картинамъ, литографіямъ и предложилъ выбрать по вкусу, и когда я выбралъ небольшую литографію, онъ остановилъ меня, говоря: „ты не церемонься, выбирай, что получше“, и самъ мнѣ выбралъ большую литографію „Лошадь“. Онъ зналъ, что я дома, по праздникамъ, рисовалъ рисунокъ со Штейбена Ватерлоо и желалъ дать мнѣ что-нибудь крупное, чтобы помочь. Вотъ какой былъ у насъ директоръ. Кто его зналъ, тотъ не могъ его забыть и черезъ 30 лѣтъ. Въ семидесятыхъ годахъ я встрѣтилъ его въ Петербургѣ, на Англійской набережной. Я подошелъ къ нему, снялъ шляпу и сказалъ: „Дорогой Александръ Григорьевичъ! Я счастливъ, что могу теперь вамъ сказать, какъ васъ любилъ и уважалъ мальчикомъ, гимназистомъ за ваше доброе, человѣческое и просвѣщенное отношеніе ко мнѣ“.

Къ сожалѣнію, онъ оставался не долго съ нами. Когда мы узнали окончательно, что онъ насъ оставляетъ, мы цѣлымъ пансіономъ, до ста человѣкъ, пошли не по парамъ, какъ обыкновенно ходили, а толпой къ нему на квартиру выразить ему наше сожалѣніе—мы это сдѣлали не по внушенію кого бы то ни было, а отъ чистаго сердца. Намъ было жалко разставаться съ такимъ другомъ. Онъ насъ принялъ радостно—посадить насъ было невозможно. Мы, какъ вода, залили его домъ собою. Мы разстались. На его мѣсто поступилъ нашъ же инспекторъ, отставной артиллеристъ, человѣкъ добрый, но онъ не могъ замѣнить Александра Григорьевича. Кромѣ А. Г. Петрова, у насъ были еще дорогіе для насъ учителя: учитель латинскаго языка—Невинскій; географіи—Свитушковъ; математики—Гренковъ и Тихомандрицкій (онъ же профессоръ университета); русской словесности—Арсеньевъ и русской исторіи—извѣстный Н. И. Костомаровъ. Всѣ эти почтенные учителя знали свой предметъ, любили его, а потому у нихъ и мы учились съ охотой, съ радостью, по крайней мѣрѣ, тѣ, которые хотѣли учиться; для тѣхъ же, которые не хотѣли учиться, былъ открытъ выходъ изъ 3-го класса въ военную службу, въ юнкера. Невинскій съ помощью аудиторовъ зналъ, какъ занимается каждый и что̀ нужно сдѣлать, чтобы помочь ему, чтобы онъ успѣвалъ. Его сынъ тутъ же учился съ нами;

онъ къ нему относился совершенно равно, какъ и ко всѣмъ остальнымъ. Всѣхъ аудиторовъ онъ иногда приглашалъ къ себѣ въ семью и былъ любезенъ и внимателенъ, какъ самый близкій родной.

Съ Гренковымъ я познакомился такъ. Нашъ преподаватель въ 1-мъ классѣ заболѣлъ, и Гренковъ пришелъ его замѣнить. Встрѣтивъ въ спискѣ мою фамилію (мой братъ былъ хорошій математикъ), вызвалъ меня и разочаровался: я показался ему слишкомъ медленнымъ, онъ даже щелкнулъ пальцами по лбу. Но когда я перешелъ въ слѣдующій классъ и сталъ учиться у него, онъ меня полюбилъ настолько, что давалъ мнѣ особые уроки изъ того, что не могло входить въ курсъ и въ программу. Въ высшемъ классѣ, преподавая физику, онъ звалъ меня всегда къ себѣ въ кабинетъ, когда нужно было что-нибудь устроить, или когда получалъ новый аппаратъ. Онъ былъ въ такихъ случаяхъ со мной не какъ учитель, а какъ товарищъ, пріятель.

Тихомандрицкій превосходно преподавалъ геометрію; его всѣ любили. Онъ никогда не спрашивалъ тѣхъ, которые занимались и знали предметъ. Онъ вызывалъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было повторить новый урокъ, показавшійся непонятнымъ классу.

Арсеньевъ, большой поклонникъ Жуковскаго, былъ чрезвычайно нѣжный, добрый человѣкъ. Относился ко всѣмъ ровно, уважалъ учениковъ занимающихся. Я помню, когда послѣ исполненныхъ мною декорацій, онъ меня вызвалъ и вдругъ остановилъ.—„Нѣтъ, говоритъ, ты не можешь не знать и не учиться. Ты художникъ, ты понимаешь прекрасное—я видѣлъ твои работы“, и затѣмъ никогда меня не спрашивалъ, и я и теперь скажу по совѣсти, что никогда не рисковалъ не приготовить какого бы то ни было урока. Онъ потерялъ жену, проживши не много съ ней, годъ или около этого. Онъ такъ страдалъ, что мы, мальчики, видѣли его горе. Одинъ разъ онъ, читая, коснулся подобнаго горя, наклонился къ каѳедрѣ и горько заплакалъ. Мы, мальчишки, шалуны, какъ одинъ человѣкъ, поняли горе человѣка, замолкли, потомъ тихо по-очереди начали читать, чтобы не смущать человѣка, и такъ дошли до конца класса.

Николай Ивановичъ Костомаровъ былъ любимѣйшій учитель всѣхъ. Не было ни одного ученика, который бы не слушалъ его разсказовъ Русской Исторіи. Самый страстный слушатель русской исторіи былъ нашъ товарищъ полякъ. Н. И. никогда никого не спрашивалъ, никогда не ставилъ балловъ,—даже мѣсячные баллы ставили мы сами—и надо правду сказать—добросо-

вѣстно. Уроки Н. И. были духовные праздники. Его урока всѣ ждали; впечатлѣніе было таково, что учитель Линиченко, поступившій на его мѣсто, у насъ въ послѣднемъ классѣ цѣлый годъ не читалъ исторіи, а читалъ русскихъ авторовъ, сказавъ, что послѣ Костомарова онъ не будетъ читать намъ исторіи. Такое же впечатлѣніе онъ производилъ и въ женскомъ пансіонѣ и потомъ въ университетѣ. Въ женскомъ образцовомъ пансіонѣ воспитывалась моя жена, она мнѣ это передавала. Мы съ женой встрѣтили его, послѣ его ссылки, въ Парижѣ въ 1857 году. Я узналъ его сзади по нервнымъ его движеніямъ. Мы побѣжали за нимъ—онъ насъ призналъ; съ тѣхъ поръ мы стали друзьями и оставались такими до его смерти.

Среди учителей былъ маленькій человѣкъ и ростомъ, и своею скромностью, сознаніемъ своего ничтожества. Этотъ учитель былъ учитель рисованія. Для меня же этотъ человѣкъ былъ самая близкая душа. Онъ былъ художникъ, да еще несчастный. Исторія его проста. Онъ былъ человѣкъ безъ роду, безъ племени, какъ говорятъ, бѣдный человѣкъ, но Богъ далъ ему дарованіе, онъ попалъ въ академію художествъ,—прекрасно рисовалъ, былъ ученикомъ Егорова, профессора Академіи. Егоровъ, какъ стилистъ, признавалъ только рисунокъ и потому полюбилъ Бѣляева за строгій рисунокъ. Бѣляевъ съ глубокимъ чувствомъ повторялъ слова Егорова, обращенные къ нему: „Алексѣичъ, я въ тебѣ вижу себя!“ Но несмотря на это съ Федоромъ Алексѣевичемъ (таково было его имя) случилось горе: у него умерла невѣста. Онъ заболѣлъ, чуть не умеръ, а выздоровѣвши, увидѣлъ себя внѣ академіи, безпомощнымъ, безъ средствъ. Случайно попался на глаза попечителю Кіевскаго Округа Фонъ-Братке. Этотъ его взялъ и назначилъ учителемъ рисованія въ гимназіи въ Кіевѣ,—вотъ тутъ онъ и погибалъ. Всякій знаетъ, что такое—уроки рисованія въ гимназіи—это время гульбы—шумъ, гамъ, крикъ. Федоръ Алексѣевичъ приладитъ доску на каѳедрѣ и тонко художественно очищеннымъ карандашемъ съ шарикомъ на остріѣ, мягко кладетъ штрихи. Вдругъ съ боку, нарочно или не нарочно, толчокъ подъ руку—карандашъ ломается и дѣлаетъ безобразную линію во весь рисунокъ. Федоръ Алексѣевичъ съ досады хватаетъ доску и ищетъ своего врага, но, разумѣется, тотъ исчезъ; Федоръ Алексѣевичъ опять начинаетъ свою Сизифову работу. И вотъ, среди этихъ варваровъ, какъ онъ называетъ ихъ и въ душѣ, и на словахъ, онъ встрѣчаетъ мальчика, который во всѣ свободныя минуты только и дѣлаетъ, что рисуетъ. Федоръ Алексѣевичъ, разумѣется, любитъ этого мальчика и потому еще больше

боится, чтобы онъ не попалъ на его карьеру, а потому кроется отъ него. Но я неудержимо стремлюсь къ нему—иду къ нему. Онъ жилъ на Екатерининской улицѣ. Маленькая комната; на полу вездѣ разсыпано сѣмя для голубей, которые тутъ же ходятъ; стоитъ мольбертъ; на немъ не оконченная картина—маслянными красками: „Меркурій усыпляетъ Аргуса"; шкатулка съ красками, еще въ пузыряхъ; овальная палитра, гипсовая голова; клѣтки для голубей; этюды, рисунки по стѣнамъ; запахъ сигары, и милый, кроткій Федоръ Алексѣевичъ въ одномъ жилетѣ перебираетъ на гитарѣ грустные мотивы; я мало разговаривалъ съ нимъ, наслаждался имъ. Каждый годъ къ акту я готовилъ массу рисунковъ, всякаго жанра акварелей. Тутъ было все: и головы, и виды. Федоръ Алексѣевичъ все раскладываетъ на столѣ и любовно меня благодаритъ. Мы съ нимъ представляемъ дѣятельность по искусству за всѣхъ. Бѣдный Федоръ Алексѣевичъ, онъ мнѣ одинъ разъ показалъ мѣсячные баллы, гдѣ мнѣ было поставлено за всѣ мѣсяцы полный баллъ 5. Онъ и самъ зналъ, что это ничего не стоитъ, но хотѣлъ чѣмъ-нибудь отблагодарить. Когда я получилъ вторую золотую медаль въ Академіи Художествъ, я заѣхалъ къ нему. Онъ мнѣ сказалъ грустнымъ голосомъ: „Я зналъ, что ты будешь художникомъ, я тебѣ не говорилъ этого, я боялся тебя соблазнить—это большое горе и несчастіе". Онъ воскресъ отъ унынія передъ смертью, онъ сочинилъ эскизъ „Освобожденіе крестьянъ", но, не окончивъ, умеръ. Я не видѣлъ эскиза,—мнѣ разсказывали.

Учителя были дорогіе люди, они были свѣтлыя точки нашей жизни; это были праздники; но были и будни—жизнь наша дома. Мы жили съ нашими врагами—съ нашими надзирателями. Всѣ они были люди необразованные, разумѣется, и имъ было не легко оставаться по-неволѣ цѣлыя сутки съ сотнею мальчишекъ, которые, доведенные до полнаго раздраженія, готовы были на всякія безумія. Единственное средство, къ которому они всегда прибѣгали,—это держать насъ на своихъ мѣстахъ; но это было для насъ пыткой, и вотъ иногда дѣлался бунтъ, взрывъ. Гасились лампы, свѣчи, и 100 человѣкъ стучали, кричали, кидали мебель, однимъ словомъ, былъ адъ. Это не дѣлалось по заговору, а просто не хватало терпѣнія: нервная потребность выйти хоть на минуту изъ этого ужаснаго угнетенія. Да, это не были педагоги, а просто сбродъ. Тутъ были всякіе люди: былъ французъ, котораго любимое занятіе было говорить о гадостяхъ. Онъ былъ лучше всего, когда былъ пьянъ: тогда онъ

садился на одинъ стулъ, протягивалъ ноги на другой—и спалъ; былъ одинъ швейцарецъ старый въ парикѣ—бывало схватитъ кого-нибудь изъ учениковъ и летитъ мазуркой по всей амфиладѣ семи комнатъ нашихъ занятій, и не только дѣлаетъ безчинство, но мѣшаетъ занятію. Былъ грекъ старикъ, одинъ полякъ, еврей нѣмецкій и даже одинъ графъ. Но ни объ одномъ ничего нельзя сказать—самое лучшее забыть. У насъ были въ ходу наказанія ѣдой; были такіе ученики, которые оффиціально никогда не обѣдали, разумѣется, товарищи всегда носили часть своей ѣды и обыкновенно на спинѣ за курткой. Чтобы пища—говядина, оладьи,—не упала, куртка придерживалась натянутой такъ, что жиръ стекалъ по спинѣ. И вотъ этотъ грузъ спѣшилъ въ скрытое мѣсто, гдѣ бы начальство не помѣшало. Такое мѣсто отхожее, и тамъ наказанный и обѣдалъ, или прислуга прятала пищу, завернутую въ бумагу, подъ подушку.

Надъ этими надзирателями стояла цѣлая лѣстница начальства: инспекторъ, директоръ, инспекторъ всѣхъ учебныхъ заведеній округа, помощникъ попечителя, попечитель. Къ намъ имѣли отношеніе первые три. Инспекторъ былъ полтавскій помѣщикъ, добрый человѣкъ, но не могшій ничего дѣлать,—онъ ничего и не дѣлалъ. Директоръ былъ отставной артиллеристъ; онъ былъ въ сущности добрый человѣкъ, но руководить или вліять онъ не могъ: его занимала внѣшняя сторона, и онъ особенно возбуждался, когда заведенію предстояло посѣщеніе высшаго начальства.

Нашу церковь, какъ находящуюся въ Липкахъ, посѣщали лица высшихъ сословій, которыя жили преимущественно въ Липкахъ. Появились новоприѣзжія двѣ дамы, двѣ сестры П. Желая пользоваться ихъ обществомъ, началъ посѣщать нашу церковь генералъ-губернаторъ Бибиковъ. Вотъ по поводу этихъ посѣщеній нашъ добродушный директоръ артиллеристъ принялся приводить нашъ внѣшній видъ въ порядокъ. Прежде всего насъ остригли, затѣмъ насъ начали строить такъ, чтобы линіи головъ были вѣрны. Директоръ бѣгалъ, пригибался чуть не до земли, чтобы видѣть чистоту линіи; затѣмъ быстрые вопросы: кто спереди, кто сзади, кто справа, кто слѣва. Бибиковъ, разумѣется, насъ не видѣлъ, мы же видѣли и его, и его свиту, въ которой тогда состоялъ даже одинъ поэтъ Аскочинскій—въ синемъ фракѣ съ металлическими пуговицами. Къ намъ въ пансіонъ даже дошло его поэтическое посвященіе двумъ П., напечатанное на голубой бумажкѣ золотомъ.

А вотъ когда насъ увидалъ Бибиковъ, и мы почувствовали

его обращеніе. Онъ остановилъ насъ, идущихъ цѣлымъ пансіономъ до 100 человѣкъ, замѣтилъ у одного ученика незастегнутую одну или двѣ пуговицы на курткѣ. Онъ остановилъ всѣхъ насъ и закричалъ, что „другой разъ я тебя здѣсь выпорю, ежели это случится". Намъ всѣмъ стало стыдно за него.

Инспекторъ всѣхъ учебныхъ заведеній округа, крѣпко сутуловатый человѣкъ, но чрезвычайно занятый собой, что видно было и въ прическѣ, и въ одеждѣ, пришелъ одинъ разъ къ намъ въ пансіонъ. На мою бѣду, меня взяла охота рисовать виды изъ моего путешествія домой, на каникулы, въ Подольскую губ. Я нарисовалъ на доскѣ два вида, мѣстечка Мурафы и города Могилева на Днѣстрѣ; оба мѣста замѣчательно красивы своей панорамой. Нарисовавъ я подписалъ „оба". Входитъ Могилянскій (фамилія инспектора); увидалъ эти рисунки, нарисованные на доскѣ мѣломъ, остановился и громкимъ голосомъ сердито спросилъ: „кто рисовалъ?" Я назвалъ себя. Онъ вдругъ обругалъ меня и прогналъ на мѣсто. Не только я, но и всѣ товарищи удивились и не поняли въ чемъ дѣло,—и только когда прибѣжалъ инспекторъ и объяснилъ въ чемъ дѣло, тогда мы, зная причину, пришли въ недоумѣніе. Дѣло было въ томъ, что Могилянскій шелъ въ сопровожденіи надзирателя Мураида, грека, и рисунки принялъ какъ что-то обидное для нихъ обоихъ. Могилянскій и Могилевъ—Мураида и Мурафа,—вотъ до какихъ тонкостей достигала глупость.

Въ 71 году, когда была выставлена картина моя „Петръ и царевичъ Алексѣй", я видѣлъ какъ онъ, Могилянскій, подошелъ къ картинѣ, долго смотрѣлъ и все пожималъ плечами, выражая недоумѣніе,—должно быть припомнилъ старую исторію своего воспитательства.

Ожидали пріѣзда В. К. Михаила Павловича и потомъ царя Николая Павловича. Разумѣется, приготовленій было безъ конца. Мы, какъ зрители, не могли цѣнить этихъ хлопотъ, тѣмъ болѣе что насъ опять мучили разными построеніями. Но въ особенности странно и непріятно дѣйствовало на насъ ученіе отвѣчать не правилами, а примѣрами. Я понимаю, что слѣдуетъ сказать ученикамъ, что, отвѣчая высшему лицу, должно прибавлять „Ваше Величество" или „Ваше Высочество" — ну и все; но какъ же учить кричать или говорить? отъ чего не положиться на смыслъ каждаго, какъ и выходитъ всегда въ дѣйствительности. Вотъ и тогда мы кричали, кричали. Пріѣхалъ В. К., вошелъ въ залу и, посмотрѣвъ на потолокъ, сказалъ: „а совершенно по-петербургски

выстроено", и затѣмъ спросилъ еще про шкафы, такъ какъ тутъ стояли шкафы съ книгами, а потомъ пошелъ скоро дальше, а насъ и забылъ. А мы учились, учились кричать и ни къ чему. Пріѣхалъ царь. Вошелъ въ залу, поздоровался; мы прокричали; подошелъ ближе,—я видѣлъ его ясно,—мимо меня проходилъ. Портретъ Крюгера похожъ, но выраженіе лица не такое строгое, въ зеленомъ военномъ сюртукѣ, до того вытертомъ, что видно подтканье, на рукѣ опущенной на мизинцѣ, красномъ отъ крови, широкое золотое кольцо почти во весь составъ. Старшіе изъ насъ носили погоны на плечахъ. Государь спросилъ, что это значитъ?—Увидалъ наши воротники, застегнутые и подпирающіе горло, въ особенности маленькимъ, велѣлъ срѣзать воротники, чтобы дать свободу движенія головѣ. Противъ насъ стояли студенты. У одного студента были бакенбарды по модѣ, охватывающія все лицо и горло. Государь замѣтилъ, что бакенбарды носить можно, но подъ горломъ брить. Потомъ остановился и началъ разсказывать, что въ Кіевскомъ институтѣ дѣти говорятъ хорошо по-русски, а въ Полтавскомъ—всѣ говорятъ по малорусски, несмотря на все старанье весьма почтенной директрисы. Затѣмъ уѣхалъ. Воротники намъ срѣзали, а студентамъ запретили носить бакенбарды.

Прошло много лѣтъ. Мы уже старики, мы не только сказали, но и сдѣлали, что могли, на всѣхъ поприщахъ: мы были и ученые, и литераторы, и художники, и педагоги, посредники, члены земства—и даже одинъ изъ насъ былъ министромъ: онъ не былъ нашимъ товарищемъ, но его имя красовалось у насъ на доскѣ. А все же интересно узнать, какіе мы были въ юности, когда всѣ эти приложенія назрѣвали въ мысляхъ, въ идеяхъ.

Несмотря на нашу замкнутость, несмотря на усилившуюся строгость, приближаясь къ 48 году, идея свободы проникала. У насъ были свои вопросы, и мы ихъ рѣшали. Несмотря на раздѣленіе насъ на двѣ національности, на поляковъ и русскихъ, вражды у насъ не было, и этотъ вопросъ насъ совсѣмъ не занималъ. Насъ занималъ вопросъ крѣпостныхъ. У насъ были слуги, крѣпостные родителей, которыхъ въ видѣ охраны дѣтямъ даже отъ начальствъ посылали родители. Они были вмѣстѣ съ тѣмъ слуги въ пансіонѣ, т.-е. всѣхъ. И вотъ, по поводу этихъ слугъ у насъ шли споры; среди насъ хотя немного, но были угнетатели слугъ (это—будущіе крѣпостники). Въ „Колоколѣ" Герцена я встрѣтилъ имя одного изъ такихъ нашихъ товарищей,—вотъ имъ и доставалось отъ большинства товарищей за дурное обращеніе со слугами.

Всѣ мы поступали съ наивной дѣтской вѣрой, а выходили мы безъ нея. Она не была поддержана соотвѣтствующимъ развитіемъ, которое мы встрѣчали въ предметахъ свѣтскаго образованія. Это обстоятельство имѣло громадное значеніе въ эпоху нашей современной исторической жизни, и въ этомъ обстоятельствѣ нужно будетъ искать причину многихъ явленій нашего времени.

О личныхъ страданіяхъ, какъ бы они ни были тяжелы, можно забыть, когда настало уже общее обновленіе жизни, и всѣ недостатки педагогіи названы, а потому я могу въ заключеніе сказать только одно. Я лично, выходя изъ гимназіи, съ аттестатомъ въ рукахъ, сознавалъ всю несправедливость угнетенія моей личности и потому считалъ себя обязаннымъ никогда никого не угнетать. Думаю, что я былъ не одинъ.

Н. Ге.

1893. 3 октября.
Хуторъ.